

Подноготная

Квартира на улице Горького в доме номер 9 всем в семье понравилась сразу, но никто из Крещенских не знал, что в ней убили человека. Так и въехали, ни о чем не подозревая. Дом-то о-го-го какой! Не просто красивый, а роскошный! И главное, где — на самой улице Горького (Бродвей, как

Вот он, дом номер 9 по улице Горького, сразу за телеграфом. И если бы фотограф взял чуть левее, можно было бы увидеть окна квартиры на четвертом этаже, куда в 1974 году переехала семья Роберта

называли ее у Кати в школе), самый центр — центрее нет! Да еще целых пять комнат, толстенные стены, четырехметровые потолки, а на верхних этажах даже шестиметровые, представляете? Все просторное и великолепное, на горизонте из окошка виден Исторический музей и Красная площадь, у лифта всегда кто-то на дежурстве, да еще черный ход имеется и тихий двор. А что в квартире убили человека — никто не сказал. И первый раз, когда ее показывали, и потом, при оформлении документов, — молчок, хотя на том уровне, возможно, и сами были не в курсе.

Дом этот был с богатой, хоть и не очень долгой историей. Построили его в 1949 году, хотя фундамент заложили еще в сорок первом, но тут война — и только что начавшуюся стройку обнесли забором и забыли до победы. Дом был основательный, внушительный и двухслойный, скорее даже двухъярусный, как торт, — снизу бордово-коричневый дорогущий гранит аж до третьего этажа, а сверху бежевая штукатурка до самой крыши, и сам весь украшенный колоннами, арочками, балкончиками, вензельками и всяческими приятными глазу милыми излишествами. Так вот, в городе ходили слухи, что гранит этот для нижней парадной части здания немцы еще в самом начале войны привезли из Финляндии, чтобы изваять из него нечто грандиозное в честь победы гитлеровской армии над СССР. Но не получилось у Гитлера с блицкригом, война была долгой, а после, опять же по легенде, этот гранит пустили на облицовку великолепного жилого дома на улице Горького, хотя стопроцентного подтверждения эффектной легенде

никак не находилось. В общем, об архитектуре грандиозного здания известно было достаточно много, а вот кто жил в тех шикарных квартирах, держалось в тайне, короче, не афишировалось.

Роберт Крещенский все же решил разузнать — жена, Алена, поинтересовалась, что за люди там раньше обитали, просто так спросила, из любопытства. Он же воспринял это серьезно, поскольку в последнее время и сам увлекся историей Москвы и даже отправился хоть за какой-то информацией в писательскую библиотеку, но сведений почти не нашлось, а если и встречались, то очень общие и достаточно скудные. Самый близкий друг Крещенских, Володя Ревзин, был архитектором, вот его-то и попросили поспрашивать про этот дом у своих.

Он бы удивительный, этот Ревзин, очень привлекал к себе, чуткий, естественный, добрый, при этом настоящий мудрец. Но нет, совсем не памятник себе, а подвижный, любопытный, интересующийся, пишущий книги об архитектуре и знающий Москву, как никто другой. Подобные люди в человеческой среде редкости необычайной, те, кто, не имея с тобой кровных и родственных связей, становятся больше чем родными. Таких было совсем мало в окружении Крещенских, а может, и не было вовсе. Познакомились они, когда Алена была беременна Катей, он и принимал вместе с Робертом народившуюся девчонку из роддома. Тихо и по-доброму любил всех Крещенских, уходящих и нарождающихся в течение двадцатого века. У него была шикарная жена Наташа, любимая Аленина подруга с самого детства, мудрая княжна осетинских кровей, тоже абсолютно родная.

Знал Володя о Москве много, это было не только его профессией, но и страстью, сам писал замечательные книги, был эдаким современным Гиляровским и мог рассказывать подробно и очень увлекательно о любом закоулке старой Москвы. Говорить с ним было сплошное удовольствие, он был изысканно интеллигентен, но, когда входил в раж, было его уже не остановить. Никто, собственно, и не пытался, ничего интереснее его рассказов нельзя было придумать. Помимо Москвы, он любил дочку Ольку, своих друзей, свежесваренный чай с вишневым вареньем, и все существенные разговоры проходили обычно за столом на кухне у Крещенских.

— Во время войны на месте этого дома долго лежал огромный невзорвавшийся снаряд, сам видел, с ребятами бегали смотреть, его тогда еле обезопасили. Представляете, вот прямо тут, где мы сидим, он и зарылся... И вообще самого дома, по идее, не должно было быть, потому что Сталин в тридцатых в первом генеральном плане реконструкции Москвы решил построить нечто специфическое, необычное, эдакий город-сказку в виде пятиконечной звезды, ну, для того, чтобы внести новые идеологические установки и в архитектуру тоже. Как театр-звезда Советской Армии, если на него смотреть сверху, только в масштабе города. В общем, начертили что-то грандиозное и даже пригласили для консультаций самого Корбюзье! Представляете? Самого Корбюзье! Хотя он какую-то чушь собачью предложил — снести старую московскую застройку, оставив только Кремль и Китай-город, и построить практически новый город! Ну

что вы хотите, человек мира, не москвич, не прочувствовал как следует. Эх, мне бы хоть пять минут с ним поговорить, я бы у него столько всего выпросил... — Вова взглянул в окно и мечтательно посмотрел на наглого голубя, который ходил, как цирковой, по парапету. — Но, слава богу, тот проект в виде звезды довольно быстро похерили, что, как мне кажется, очень даже и хорошо.

А про дом номер 9 по улице Горького Вова разузнал не так уж и много, но точно знал, что братья-архитекторы называли его «фурцевским», потому что Екатерина Фурцева, будущий министр культуры, въехала в него еще в 1949-м, чуть ли не самой первой, и строго следила за тем, кому там собирались давать квартиры. Была тогда уже первым секретарем Фрунзенского райкома партии Москвы и членом Верховного Совета СССР, власть имела большую, вот и выбрала себе жилье, воспользовавшись служебным положением. Соседей отбирала сама, отсеивала неугодных или просто непонравившихся, хотела, чтоб вокруг жили товарищи интеллигентные, достойные, не буйные и тем более не запойные, а исключительно старенькие академики в шапочках, известные артисты, желательно, чтоб народные, прям с афиш, всяческие герои соцтруда с орденами на лацканах, статные боевые генералы в красивой форме, дисциплинированные и молодцеватые. Такой дом-мечта считался бы первоклассным во всех отношениях, отличаясь от других не только сталинско-ампирной помпезностью фасадов, но и приятным людским наполнением. Так и сделала.

Нехорошая квартира

Выписали в нем квартиру, продолжал Вова, в то первое заселение, и одному видному архитектору, сталинскому любимцу, который обустраивал послевоенную Москву, облагораживал набережные и парки, в общем, как тогда писали, изменял архитектурный облик столицы. Там беда и случилась. Подробностей той страшной трагедии не знает никто, дело было темное, его сразу замяли, но доподлинно известно, что архитектор, хозяин квартиры, как-то вечером спустился вниз к лифтерше с охотничьим ружьем в руках и попросил вызвать милицию. Бесстрастно так сказал, буднично, словно сантехника звал кран починить или за газетами пришел, и, опираясь на винтовку, как на посох, спокойно потом вошел в лифт и поехал к себе обратно на четвертый этаж, в квартиру номер 70.

Примчалась милиция, поднялась на этаж, увидела страшную картину — единственного архитекторского сына с простреленной головой, который сидел за отцовским рабочим столом, залив кровью чертежи и бумаги, и его мать тут же без чувств, в глубоком обмороке. А хозяин рядом, в полном ступоре и не в силах вымолвить ни слова. Как все случилось, при

Почти в таком составе семья и переехала на новую квартиру — Роберт, Алёна и две дочери, Катя и Лиска. На фотографию не попали еще двое — Лидка, которая готовила на кухне обед, и спаниель Бонька, собачий лентяй, храпящий где-то под столом

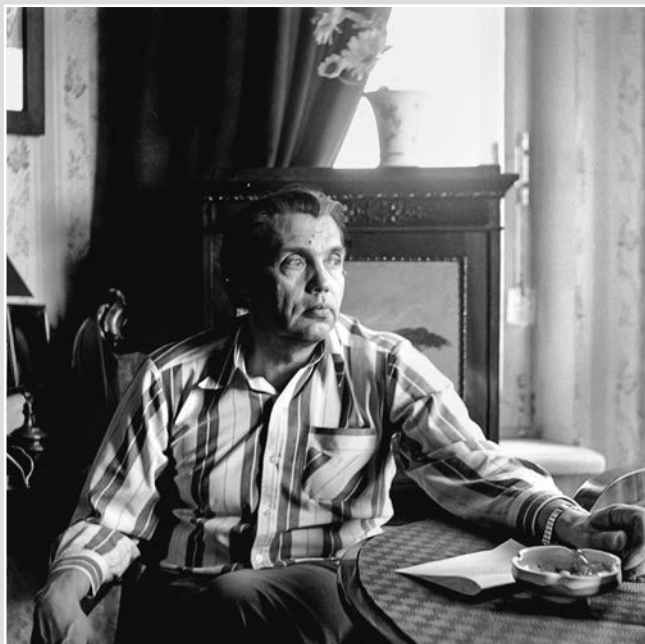
каких обстоятельствах, жильцам известно так и не стало, дело сразу засекретили. Архитектора посадили под домашний арест, но вскоре отпустили за недоказанностью улик. Самострел, объявили. Как только уголовное дело было закрыто, жильцы нехорошей квартиры одним днем сложили пожитки и уехали из Москвы, оставив квартиру исполкому.

Кого-то вселили снова, потом жильцы еще раз поменялись, никто по разным причинам в квартире 70 долго не задерживался, пока наконец в 1974 году сюда не въехала семья известного советского поэта Роберта Ивановича Крещенского все в том же составе: сам

Роберт с женой Аленой, их две дочери — десятиклассница Катя и мелкая четырехлетняя Лиска — и Лида, Лидия Яковлевна, их любимая бабушка по маминой линии. Да, и собака Бонька. Несмотря на полуженское имя, Бонька был мальчиком, полным именем Бонифаций его никто никогда не называл.

Про тех первых жильцов и эту трагедию Крещенские узнали не сразу, вышло это совершенно случайно. Кто-то из сотрудников ляпнул Лиде в паспортном столе, и даже не кто-то, а старейшая паспортистка, которая сидела там со времен царя Гороха, ветеран труда, так сказать, она и спросила, мол, эта 70-я квартира теперь ваша? Та самая, в которой отец когда-то убил своего сына? Как же, помню-помню, переоформляли тогда, столько лет уже прошло, а мурашки до сих пор, вот ужас-то... Лида, вытаращив глаза, стала расспрашивать, что да как, и, хотя деталей не знал никто, а только в общих чертах, понаслышке, поняла, что да, застрелили парня, было такое, в самой дальней комнате с чуланчиком, есть у вас комната с чуланчиком-то? Значит, там, хоть и говорили, что это самоубийство. Отец то ли застукал сына за чем-то, то ли прознал о том, что ему не полагалось, вот и стал сыну ружьем угрожать. Тот забился от него сначала в чуланчик, а когда вышел по его требованию, тот посадил его за стол, требуя какие-то ответы, а потом и не сдержался, порешил. Так что не повезло вам, гражданочка, квартира непростая, с сюрпризом.

Лида, трусиха знатная, запаниковала. Что делать, не понимала. Ведь в квартире уже живут, все отлично, в комнате с чуланчиком Робочкин кабинет, он же

Роберт в домашней обстановке

спальня, в чуланчике полочки и вешалки с костюмами, гардероб вроде как, а сам Робочка пишет себе стихи с утра до вечера, грех жаловаться. И вот теперь такое. Лида подумала сначала домашним про это не говорить, но как в себе такие новости удержать, вот и пришлось признаться Алене с Робертом. Ну, если и произошло когда-то несчастье, то что уж теперь, сказал Роберт, сколько лет прошло, полжизни, многое чего на свете было, на все не откликнешься. В общем, об этом больше разговоры не вели, но Лида, когда дети

надолго уезжали за границу, одна никогда старалась не оставаться, а обязательно вызывала пожить к себе сестру Иду и еще кого-то из подруг — Олю или Тяпу с Надей. Павочка уже ушла, похоронили, отплакали. Еще и нянька Нюрка, конечно, была, но защита из нее небольшая, никакущая, можно сказать, всегда при ребенке, или гуляет, или спать укладывает, в призраков вообще не верит, хоть и деревенская, но все дело, хоть еще один живой человек. Анатолия часто звала, вечного своего гражданского мужа, которого приобрела еще в прошлой жизни, в прямом смысле достав из-под земли — сидел он в своей оркестровой яме и играл на альте, безумно красивый и глупый до невозможности (Поля, Лидина мама, пригвоздила его говорящим прозвищем Принц Мудило). А Лидка в это время выкаблучивалась на сцене с другими кавалерами, задирая ножки прямо у него перед глазами. Так они и нашли друг друга. Но жениться — ни за что, Лиде хватило первого раза, когда Аллусин отец, не Толя, а Борис, вернулся из странствий и привел к ней с дочкой в дом новую жену.

Семью Крещенских Анатолий, он же Принц, безоговорочно и по-настоящему полюбил, сначала Лидку, звонкую и легкую, а через нее и остальных, сильно, всем сердцем, навечно. И очень вписался контрастом, как полная им всем противоположность. Скупой до невозможности (он называл это практичностью), Анатолий переводил любые отношения в денежные. Практически как Карл Маркс, которого часто зачем-то цитировал. Когда Лидка ему на это пеняла, он на голубом глазу (а глаза у него были вправду небесно-

Роберт с мамой Верой Павловной и Иосифом Кобзоном

голубые) отвечал, что дело не в деньгах, а в их количестве, и ни разу не забывал взять свои десять копеек за буханку бородинского хлеба, когда Лидка просила его по дороге купить. Деньги, мол, счет любят. Часто сэкономил на транспорте — или шел пешком, или ехал зайцем. Был болельщиком «Спартака» и не снимая носил значок ГТО, перекалывая его, как орден, с будничного пиджака на праздничный. А еще был заядлым собирателем писем, а также филокартистом — коллекционировал открытки, причем без какой-то особой темы, а так, что найдет. И Алена с Робертом, зная эту его страсть, из любой страны и из каждого города старались посылать на его адрес открыточку с приветом. Любил «шибануть правдой», по его же личному выражению, считая, что правду говорить легко и приятно.